

ПРЕЖДЕ ЧЕМ попасть в зрительный зал, вы оказываетесь в маленьком уютном кафе, где несколько молодых ребят — не поймешь сразу, артисты или зрители, — расположившись вокруг одного из столиков, напевают под аккомпанемент гитар и каких-то еще музыкальных инструментов, вполне доморощенных. Ребята как ребята: потерянные джинсы, длинные волосы, на девушках — расклешенные брюки или мини-юбки. Сперва поют чуть слышно, будто настраиваясь, но вот голоса становятся тверже, отчетливей, и в уютное полутемное кафе ворвались чеканные ритмы песни итальянских партизан. А потом были песни французского Сопротивления, и совсем уж знакомая мелодия, та, на которую у нас ложатся слова: «По военной дороге шел в борьбе и тревоге боевой восемнадцатый год», и была еще «Марсельеза»... Ребята старались втянуть в песню, мелодию, ритм всех присутствующих и радовались, когда им это удавалось. Между тем приближалось время начала спектакля, и наши певцы, музыканты, сорвавшись с места, заспешили в зрительный зал, приглашая вас следовать за ними.

Спектакль был сделан на основе пьесы советского драматурга Д. Аля «...Правду! Ничего, кроме правды!», шел он в будапештском театре «Микроскоп», а ребята оказались учащимися студии при театре.

Пьеса составлена в основном из документальных материалов. Она довольно широко идет у нас в стране, в данном же случае особенно важно было свободное построение пьесы, в самой структуре которой заложена возможность публицистических отступлений, импровизаций.

На сцене были актеры (своих актеров в «Микроскопе» немного, зато почти каждый вечер гости: знаменитые мастера из знаменитых будапештских трупп в свободное время с наслаждением выступают в «Микроскопе»), а студенты были всюду — на сцене, в зале. Увлеченно и напористо создавали они, а вернее, поддерживали ту атмосферу непринужденности, доверительных душевных контактов, которая родилась еще в кафе.

В пьесе речь шла о путях революции, о алианси ее на конкретные человеческие судьбы, и вдруг прерывались монологи, диалоги, становясь трамплином, отправной точкой для сколь неожиданного, столь же и органично возникшего спора по актуальным проблемам дня. И вот уже актер обращается в зал, приглашая зрителей для разговора на равных.

— СЕГОДНЯ неудачный был спектакль, очень неудачный... — озабоченно говорил потом создатель и директор «Микроскопа» Иштв Комлош, — и шел он всего два часа, потому что зрителей не удалось расшевелить. А бывает, так разговаривается, что спектакль и три часа идет, и более... Люди начинают размышлять вслух о наблевшем, о важном.

«Микроскоп» — политическое кабаре, «газета на сцене». «Полнометражные» пьесы, подбные той, которую увидел я, здесь редки. Обычно это злободневные скетчи, короткие сценки. А потом Комлош, до этого игравший вместе с актерами, остается на сцене один и просит зрителей присылать ему записки с любыми вопросами, касающимися внутренней жизни страны, зарубежных событий.

— Пусть люди говорят открыто, в театре, и ответы получают открыто, — утверждает Комлош, — иначе такой источник информации, как обывательские слухи, иссякнет не скоро. А спрашивают в основном по делу, и отвечать интересно, и разговор завязывается содержательный... Особенно активной бывает молодежь. У нее обостренное чувство справедливости, она немедленно реагирует на всякую нашу ошибку, всякий просчет. Важно напри-

вить эту реакцию в нужное русло, помочь ей оформиться в конкретную, целенаправленную борьбу с теми недостатками, на которые указывает сегодня партия...

— Знаете, — помолчав немного, улыбается Комлош, — в юности мне пришлось некоторое время прослужить в одном трактире. Посетителя там попадались буйные, и если их не удавалось утихомирить нормальными средствами, в дело аступал я: брал сифон с газированной водой и пускал струю в лицо дебоширу. Но это только в самом крайнем случае. Если наутро выяснялось, что я с перенугу израсходовал слишком много газированной воды, хозяин заставлял за нее платить. С тех пор я понял: за испуг, суету всегда приходится дорого расплачиваться... Однако шутки

пил бы всеобщий застой». Слова эти я услышал от секретаря ЦК ВСРП товарища Д. Аделя, естественно, соотнес их с творческими поисками Комлоша, со спектаклями, некоторыми фильмами. Внутренняя связь представляется мне очевидной.

ЧТО КАСАЕТСЯ новых венгерских фильмов — в этот раз удалось их посмотреть довольно много: талантливые, более удавшиеся, менее удавшиеся и попросту неинтересные, слабые. В сегодняшних заметках скажу об одной, наиболее, мне кажется, принципиальной работе — о фильме режиссера Петера Бачо «Настоящее время». Конфликт развивается на заводе, в рабочем коллективе. Съемки выполнены в манере строго документальной, а главного героя Имре Мозеша играет непро-

ПРЯМАЯ РЕЧЬ ХУДОЖНИКА

БУДАПЕШТСКИЕ ПРЕМЬЕРЫ

шутками, вернусь к нашему разговору. Бывает критика, обусловленная трусливой обывательской истерикой, — она, безусловно, вредна, даже если касается мелочей, пустяков. Но когда критика исходит из глубинных интересов народа, когда за ней ощущаются позиции партии и сила партии — разговор о недостатках может быть каким угодно острым, может касаться вещей серьезнейших. И пользу такого разговора трудно переоценить... Ребята наших видели, которые перед спектаклем поют? Очень критически мыслящие ребята. А песни для своего репертуара они выбирали сами...

Ну, конечно же, сами — я вспоминаю о другом спектакле, который шел в самом молодом будапештском «Театре 25», — спектакле, где тоже звучали песни революции, песни борьбы. И актеры, которые еще секунду назад от избытка молодой энергии едва ли не на головах ходили, сразу притихли как-то, и задумчивая, словно подернутая дымкой времени, мелодия лилась в зрительный зал, и в сознании вашем начинали звучать с детства памятные строки: «Дан приказ ему на запад, ей в другую сторону»...

Недавно Государственным собранием ВНР был принят закон о молодежи, сущность которого сводится к тому, что нужно помогать молодому человеку как можно скорее вырастать, находить себя, свое достойное место в социалистическом строительстве. И мало пробыл в стране и не берусь делать широкие обобщения, но думаю, что Комлош, в недавнем прошлом известный журналист, газетчик, верно улавливает тонус жизни современной венгерской молодежи — и ее гражданскую активность, и конструктивно-критический запал, и ее интерес к революционным пролетарским традициям, идеалам, тягу к высокой и чистой героике. Кстати, следующая премьера «Микроскопа» — героическая трагедия по повести Бориса Васильева «А зори здесь тихие»...

Искусство всегда терпит поражение, когда пытается изображать абсолютно и стабильно счастливого человека. Получается не счастливый человек, а самодовольный. Секунды счастья, творческого упоения достигнутым — секунды эти, конечно же, должны улавливаться искусством. Но нельзя забывать, что они быстро сменяются беспокойством, потребностью новых преодолений. Конструктивная неудовлетворенность собой и окружающим — нормальное состояние человека, иначе насту-

фессиональный актер Агостон Шимон. Выбран он был, очевидно, по принципу внутреннего совпадения с тем персонажем, который ему предстояло воплотить.

Сам же конфликт во многом напоминает тот, который нащупал советский драматург Игнатий Дворецкий в своей последней, широко пошедшей пьесе «Человек со стороны» (о ней подробно писала «Комсомольская правда»). Директор завода сам приглашает Мозеша возглавить отстающую бригаду и доволен, когда она перестает быть отстающей. Но чем последовательнее становится Мозеш, чем больше деятельность его сопрягается с деятельностью всего предприятия, тем неизбежнее становится столкновение: попытки героя работать современно, на научной основе приходят в резкое столкновение с устаревшей, однако привычной системой взаимоотношений, сложившейся на заводе. (Должен заметить, что в этом интересном фильме фигура директора завода представлена слишком уж плакотно-отрицательной. Поэтому исследование важных общественных процессов порой уступает место набившему оскомину столкновению между «хорошим» рабочим и «плохим» директором).

Когда Мозеша хотят отстранить и он обращается за поддержкой к рабочим своей бригады, мы становимся свидетелями сцены трудной и горькой. Рабочие уже ощутили вкус производственной нравственной новизны, которую принес с собой Мозеш, но груз привычек, инерция, гражданская пассивность еще слишком глубоко сидят в них. Почти инстинктивное, почти безотчетное стремление не влезать в драку, не перечить начальству приводит к тому, что рабочие говорят о Мозеше, которого успели оценить, те самые недобрые слова, какие и хотел услышать директор.

Но эта реальная, беспощадная правда, утверждает фильм, отнюдь не исчерпывает движущегося во времени, на наших глазах меняющего свои очертания конфликта. Ибо ростки того нового, что посеял в душах людей Имре Мозеш, неуничтожимы, и, оробев, не набравшись мужества в решительную минуту, рабочие уже потом начинают тем не менее борьбу за Мозеша. Фильм показывает начало и не дает итогов, результатов этой борьбы. Но разве в том, что люди ощутили себя не покорными исполнителями, а полноправными хозяевами завода, — разве не заключен в этом оптимистический итог фильма?

Вот кратко впечатление о некоторых последних явлениях художественной жизни Будапешта.

К. ЩЕРБАКОВ.
(Наш спец. корр.).

Будапешт.